

Послѣ того какъ Патроклъ погубить вблизи Иліона  
 Многихъ героевъ и сына средѣ нихъ моего Сарпедона.  
 Мстя за Патрокла, Ахиллъ вслѣдъ за тѣмъ умертвить Пріаида.  
 Съ той лишь поры я устрою обратное бѣгство Троянцевъ  
 Отъ кораблей мореходныхъ, пока не возьмутъ Аргивяне 70.  
 Трои высоколежащей, послушны совѣту Аѳины.  
 Но не отстану я раньше и самъ отъ великаго гнѣва,  
 И не позволю, чтобъ кто изъ боговъ помогалъ Аргивянамъ,  
 Прежде чѣмъ просьба Ахилла въполнѣ не исполнена будетъ,  
 Какъ обѣщаль я ему и своею кивнулъ головою, 75.  
 Въ день какъ богиня Ѡетида колѣни мои обнимала  
 И умоляла почтить сокрушителя стѣнъ Ахиллеса».

Такъ онъ сказалъ. Не ослушной была бѣлорукая Гера.  
 Тотчасъ съ Идейскихъ вершинъ на высокій Олимпъ устремилась.  
 Точно какъ мысль челоуѣка, кто многія земли извѣздилъ, 80.  
 Ихъ облетаетъ мгновенно, и думаетъ самъ онъ съ собою:  
 «Быть-бы мнѣ тамъ или тамъ» — и о многомъ въ душѣ воспоминаетъ:  
 Такъ же почтенная Гера мгновенно домчалась до мѣста.  
 Вскорѣ вступила она на высокій Олимпъ и въ собраньи  
 Вѣчныхъ боговъ очутилась, въ чертогѣ Зевеса. И боги, 85.  
 Геру увидя, вскочили, привѣтствуя кубками шумно.  
 Но, пропустивъ остальныхъ, отъ прекрасноланитной Ѡетиды  
 Кубокъ она приняла; та на встрѣчу ей кинулась первой.  
 И, обращаясь къ богинѣ, крылатое молвила слово:

«Гера, зачѣмъ ты пришла? Ты мнѣ кажешься страхомъ объятая. 90.  
 Ужъ не Кронидъ ли тебя устрошилъ, твой супругъ Олимпіецъ?»

И, отвѣчая на то, бѣлорукая молвила Гера:

«Не вопрошай ты меня о подобномъ, богиня Ѡетида.  
 Знаешь сама, каково его сердце надменно и злобно.  
 Сядь межъ богами въ чертогѣ, въ пиру предсѣдай равномѣрномъ. 95.  
 Тамъ среди прочихъ безсмертныхъ услышишь, какими бѣдами  
 Зевсъ Олимпіецъ грозитъ. И никто, полагаю я, сердцемъ  
 Не возликуетъ тогда, ни безсмертный, ни смертнорожденный,  
 Если теперь среди нихъ ктонибудь и пируетъ безпечно».

Такъ говоря, она сѣла. И боги, сердясь, возроптали, 100.  
 Сидя въ чертогѣ Зевеса. Она-жъ улыбалась устами,  
 Но надъ бровями густыми чело оставалось печальнымъ.  
 И, негодуя въ душѣ, она съ рѣчью ко всѣмъ обратилась:  
 «Глупые, снова на Зевса мы всѣ разсердились безумно.  
 Вотъ мы желаемъ къ нему подойти и смирить его ярость 105.